

Хантер С. Томпсон

Эй, лох! Я тебя люблю

Жуткие размышления о горячке, безумии и музыке

Пусть господин наш прикажет слугам своим, которые пред тобою, поискать человека, искусного в игре на гуслях; и когда придет на тебя злой дух от Бога, то он, играя рукой своею, будет успокаивать тебя.

1 книга Царств, 16:16

Сейчас воскресное утро, и я сочиняю любовное послание. За окошком моей кухни яркое небо и сталкиваются планеты. Голова моя в горячке и разыгрались нервишки. Мозг мой начинает работать, как движок, у которого замкнуло проводку зажигания. Всё вокруг уже не то, что было раньше. В телефонах завелись привидения, а животные шепчут мне что-то из своих невидимых нор.

Вчера ночью в бассейне на меня попытался прыгнуть огромный черный кошка, а потом неожиданно исчез. Я нырнул еще разок и заметил трех мужиков в защитных шинелях – они наблюдали за мной из дальней двери. Оп-ля, подумал я, тут происходит какая-то жуть. Лежи в водичке тихо и постарайся незаметно доползти до середины бассейна. Держись подальше от бортиков. Постарайся, чтобы тебя не придушили сзади. Будь начеку. Козни Дьявола никогда не разгадаешь до полуночи.

Вот примерно тогда-то я и подумал о своем любовном письме. Стекло потолка бассейна весь затянуло паром, в густой и полной тьме шевелились какие-то странные растения. Другого края бассейна совсем не различить.

Я пытался сохранять спокойствие и не волновать воду. В какую-то минуту мне показалось, что в бассейн зашел еще кто-то, но наверняка сказать сложно. Спазмы ужаса заставили меня погрузиться еще глубже и принять стойку карате. На свете есть всего две или три вещи ужаснее внезапного осознания того, что ты наг и совсем один, а на тебя по темной воде надвигается что-то огромное и агрессивное.

Вот в такие моменты и хочется поверить в галлюцинации – потому что если три мужика в защитных шинелях действительно поджидают меня в тених за вот этой дверью, а во тьме ко мне подползает что-то еще, то я обречен. Один? Нет, я не один. Я уже видел трех человек и огромного черного кота, а теперь мне кажется, я могу различить еще чью-то фигуру, подбирающуюся ко мне. В воде она ниже меня, но определенно – женщина.

Ну конечно, подумал я. Должно быть, это моя милая крадется, чтобы хороший сюрприз мне в бассейне устроить. Да, сэр, это очень похоже на мою маленькую извращенную сучку. Она – безнадежный романтик и хорошо знает этот бассейн. Было время, когда мы купались в нем каждую ночь и резвились в воде, как выдры.

Господи ты боже мой! подумал я, что я за идиотский параноик. Должно быть, я схожу с ума. Меня так пробило любовью, что я встал и быстро направился к ней, чтобы ее обнять. Я уже ощущал ее нагое тело у себя в объятьях... Да, подумал я, любви действительно подвластно все.

Но ненадолго. То есть, минута или две бултыхания в воде понадобились, чтобы до меня дошло: на самом деле в бассейне я совершенно один. Ни ее тут нет, ни тех придурков в углу. Кота тоже не было. Я – дурак и болван. Мне перемкнуло мозги, и я так ослаб, что едва выбрался из бассейна.

Ёб твою мать, подумал я, мне с этим местом больше не справиться. Оно уничтожает своей жутью всю мою жизнь. Валить отсюда и никогда больше не возвращаться. Оно насмехается над моей любовью, оно разбило мои романтические чувства. Благодаря этому кошмарному случаю я мог бы завоевать титул Лохы Года в любом классе любой школы.

Занималась заря, когда я вырулил назад к дороге. Проезжая кладбище по пути, я притормозил и швырнул через ограду четвертак, как я обычно делаю. Кометы больше не сталкивались, на снегу – никаких следов, кроме моих, и ни звука на десять миль в окрестности, если не считать Лайла Ловетта

у меня в радиоприемнике, да воя нескольких койотов. Я придерживал руль коленями, пока на ходу раскуривал стеклянную трубку гашиша.

Добравшись до дому, я зарядил свой автоматический Смит-и-Вессон-45 и шарахнул несколько очередей в кег из-под пива во дворе, затем вернулся в дом и начал лихорадочно карябать в блокноте... Какого черта? думал я. Все пишут любовные письма по утрам в воскресенье. Это естественная форма отправления религиозных потребностей, высочайшее искусство. И бывают дни, когда у меня это очень хорошо получается.

Сегодня, чувствовал я, как раз один из таких дней. На спор. Сейчас же. И тут зазвонил телефон, я содрал трубку с рычага, но там никого не было. Я привалился к камину, застонал и тут он зазвонил снова. Я схватил трубку, но никакого голоса снова не оказалось. О Боже! подумал я. Кто-то ебет мне мозги... Мне нужна была музыка, ритм нужен. Я был полон решимости сохранять спокойствие, поэтому я задрал звук погромче и поставил «Духа в Небесах» Нормана Гринбаума.

Я крутил его снова и снова следующие три или четыре часа, пока колошматил по клавишам свое письмо. Сердце у меня колотилось как ненормальное, а он музыки визжали даже павлины. Стояло воскресенье, и я устроил себе богослужение по своему. Кому надо сходить с ума в Божий День?

Моя бабушка никогда с ума не сходила, когда мы ездили по воскресеньям к ней в гости. У нее всегда имелся чай с печенюшками, а лицо ее улыбалось. Это происходило в Вест-Энде Луисвилля, возле шлюзов реки Огайо. Помню узкую бетонированную дорожку к ее дому и большой серый автомобиль в гараже за ним. Дорожка была выложена двумя полосами бетонных плит, а между ними росла пучками трава. Она уводила на задний двор сквозь мерзкие кусты роз к чему-то похожему на заброшенный сарай. Так оно и было. Он был заброшен. По двору никто не гулял, никто не ездил на большой серой машине. Она никогда не трогалась с места. В траве не было никаких следов.

Машина была седаном «ЛаСалль», насколько я припоминаю, зализанным хамом с мощным восьмицилиндровым движком и рычагом передач, крепившимся к полу, – наверное, модель 1939 года. Нам так и не удалось ее раскочегарить, поскольку аккумуляторы давно сдохли, а бензин был на вес золота. Шла война. Чтобы купить пять галлонов бензина, нужно было иметь особый купон, а купоны выдавали строго по норме. Люди их копили и тряслись над ними, но никто не жаловался, поскольку мы сражались с фашистами, и нашим танкам нужен был весь бензин для того, чтобы обрушиться на побережье Нормандии.

Оглядываясь сейчас на те времена, я ясно вижу, что основной причиной наших поездок в Вест-Энд по Божьим Дням к бабушке в гости было выхарить у нее купоны на бензин для «ЛаСалля». Она была старушкой и бензин ей был совершенно ни к чему. Однако машина ее была до сих пор зарегистрирована, и она по-прежнему каждый месяц получала купоны. Вот поэтому мы и ездили к ней домой по воскресеньям...

И что с того? – я б и сам так делал, если б у моей мамы был бензин, а у меня – нет. Мы все бы так делали. Это Закон Предложения и Спроса – и, в конце концов, сейчас настал последний бардачный год американского века, и народ занервничал. Куркули повылазили из чуланов, смурно бормоча чего-то о проблеме-2000 и затариваясь целыми ящиками говяжьего рагу «Динти Мур». Популярные сушеные фиги, равно как рис и баночная ветчина. Я лично запасаясь пулями, у меня их уже много тысяч. Пули всегда будут в цене, особенно когда у тебя погаснет свет, сдохнет телефон, а у соседей подойдут к концу запасы еды. Вот тогда-то и поймешь, кто твои друзья. Даже ближайшие члены семьи обернутся против тебя. После 2000-го года в друзьях безопасно будет иметь только покойников.

Я раньше уважал Уильяма Берроуза, потому что он был первым белым, которого в мое время зацапали за марихуану. Уильям – это был Мужик. Стал жертвой незаконного полицейского налета у себя дома по улице Вагнер, 509, в Старом Алжире, дешевом пригороде через реку от Нового Орлеана, где он на время осел пострелять и покурить марихуны.

Уильям мозгов никому не трахал. Он ко всему относился серьезно. Когда Сделка Рузвельта провалилась, Уильям был На Месте, с пистолетом. Ха-бах! БУМ. Стой на месте. Я тут Закон. Он был моим героем задолго до того, как я о нем услышал.

Однако первым белым, которого в мое время загребли за траву, он не был. Нет. Первым был Роберт Митчем, актер, которого арестовали тремя месяцами раньше в Малибу – прямо на пороге укромного пляжного коттеджа, за владение марихуаной и по подозрению в приставании к несовершеннолетней девочке 31 августа 1948 года. Помню фотографии: Митчем в майке рычит на легавых, а

море вздымается за ним и пальмы трепещут на ветру.

Да, сэр, вот был мой мальчонка. Митчемом, Берроузом, Джеймсом Дином и Джеком Керуаком меня так серьезно прищипило, не успело мне и двадцати исполниться, что назад уже дороги не было. Купил билет – ехай.

Так добро пожаловать на Дорогу Грома, старина. Это был один из тех фильмов, которые захватили меня, когда я был слишком молод, чтобы сопротивляться. Он убедил меня, что если ездить – так на максимальной скорости, в машине, где вискач плещется через край, и я так и езжу с тех пор, хорошо это или плохо.

Девчонке на фотографиях с Митчемом на вид было лет пятнадцать, на ней тоже была майка, из под которой выпирал элегантный сосок. Фараоны пытались прикрыть ей грудь пыльником, выволакивая их из дому. Митчему также предъявили обвинения в Педерастии и Содействии Преступности Малолетних.

В те годы у меня были свои заморочки с полицией. В пятом классе меня официально задержало ФБР за то, что я опрокинул почтовый ящик США перед автобусом. Вскоре после этого я стал частым арестантом разных тюрем американского Юга по обвинениям в пьянстве, воровстве и хулиганских действиях. Меня называли преступником, и примерно в половине случаев люди были правы. Я был полноправным Малолетним Преступником, и у меня была куча друзей.

Мы угоняли машины, нажирались джином и по ночам гоняли на полной скорости в такие места, как Нэшвилл, Атланта и Чикаго. В такие ночи нам требовалась музыка, и обычно ее нам предоставляло радио – 50,000-ваттные станции с хорошей проходимостью сигнала, вроде WWL из Нового Орлеана или WLAC из Нэшвилла.

Вот тут, наверное, я и облажался – когда слушал WLAC и гнал всю ночь по Теннесси в краденной машине, которой не хватят еще три дня. Так я узнал, кто такой Хаулин Вулф. Мы его не знали, но нам он нравился, и мы понимали, о чем он говорит. «Я Чую Крысу» – чистый памятник рок-н-ролла аксиоме, гласящей: «Паранойи не бывает». Вулф запросто сносил крыши, но в нем была и меланхолическая сторона. Он мог выдрать тебе сердце как хонки-тонк наихудшего пошиба. Если история будет судить о человеке по его героям, как утверждают, то пускай в записи внесут, что Хаулин Вулф был одним из моих. Он был монстром.

Музыка для меня всегда была делом Энергии, вопросом Горючки. Сентиментальные люди зовут это Вдохновением, но на самом деле они имеют в виду Горючку.

Горючка мне всегда была нужна. Я – ее серьезный потребитель. Бывают ночи, когда я по-прежнему верю, что машина с топливной стрелкой на нуле протянет еще 50 миль, если радио у тебя на полную катушку орет правильную музыку. Восьмицилиндровый «кадиллак» поедет на 10-15 миль быстрее, если ему вкачать полную дозу «Кармелиты». Проверено неоднократно. Именно поэтому на стоянках дальнобойщиков на Шоссе 66 около полуночи можно найти так много «кадиллаков». Это Сугенеры Скорости, и заправляются они больше чем бензином. Понаблюдайте некоторое время за таким местечком и заметите схему: большая быстрая машина тормозит перед какой-нибудь дверью, из нее выскакивает ополоумевшая деваха, совершенно голая, если не считать меховой шубки или лыжной куртки, забегает внутрь, сжимая в кулаке пачку денег, до помрачения мозгов стремясь побыстрее купить гарантированно кайфовой дорожной музыки.

Это происходит снова и снова, и рано или поздно ты на этом зависаешь, тебя цепляет намертво. Стоит мне услышать «Белого кролика» – и я снова на улицах Сан-Франциско солидошной полночью, ищу себе музыки, гоню свой быстрый красный мотоцикл с горки в Пресидио, отчаянно вписываясь в повороты среди эвкалиптов, стараясь побыстрее доехать до Матрицы, чтобы успеть услышать, как Грейс Слик заиграет на флейте.

В то время по ночам не было консервированной музыки, никаких наушников или «уолкменов» – даже лобовика из пластика не было от дождя. Но музыку я слышал все равно – даже если она играла в пяти милях от меня. Стоило разок услышать правильно сыгранную музыку, и можно было упаковать ее себе в мозги и носить с собой повсюду, всегда.

Да, сэр. Вот моя мудрость и вот моя песня. Сейчас воскресенье, и я придумал себе новые правила. Отныне раскрою свое сердце духам и буду обращать больше внимания на животных. Прихвачу кассету с арфой, доеду до заправки «Тексако», где можно взять тако со свининой, и буду читать «Нью-Йорк Таймс». А после этого перейду через дорогу к почте и суну свое письмо ей в ящик.

Res Ipsa Loquitor.